

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА
г. Москва

24 мая 1988 года ● 4

Вот уже пятый май встречаем мы без Михаила Александровича Шолохова. А интерес к его книгам, судьбе, к малейшим штрихам и деталям его жизни по-прежнему велик. Когда я встретился с народной артисткой СССР Э. Быстрицкой во время ее гастролей в Группе советских войск в Германии, мне хотелось подробнее расспросить о творческих замыслах и актерской судьбе. А вышло иначе: едва я коснулся «Тихого Дона», фильма, в котором Быстрицкая сыграла роль Аксиньи, услышал вдруг такой взволнованный и живой рассказ о великом советском писателе, что это и стало главным предметом нашего разговора. Сегодня, в день рождения М. А. Шолохова, я хочу предложить этот рассказ вниманию читателей.

Полковник А. ВАСИЛЕЦ,
корреспондент «Красной звезды».

В О ВРЕМЯ ВОЙНЫ госпиталь, в котором я была медсестрой, располагался в одной из донских станиц. Почти девчонка, тогда даже самой себе я боялась признаться, что мечтаю о профессии актрисы, однако с повышенным вниманием присматривалась к казачкам, видимо, подсознательно. А женщины на Дону необыкновенные, не похожие ни на крестьянок, ни на горожанок, которых мне приходилось видеть раньше. Особая стать, женственность и, я бы сказала, женская яркость придают им незабываемые черты. Во всяком случае, когда я прочитала «Тихий Дон», Аксинья показалась мне старой доброй знакомой. Я узнавала ее в каждом поступке, в каждом жесте, в каждом слове.

Сыграть эту героиню Шолохова было моей заветной мечтой. Еще студенткой-первокурсницей я пыталась постичь образ Аксиньи, выбрала сцену ее встречи с Григорием в подсолнухах. Готовилась очень старательно, много репетировала и... получила двойку. Не сумела связать то, что сама видела в донских станицах, с художественным текстом. Больше, чем следовало, уделила внимания каким-то пластическим решениям, а внутреннюю суть, глубину этой замечательной женщины не постигла и не передала. Поняла это, правда, не сразу. Долго еще в душе оставалась рана: свойственный юности максимализм требовал удовлетворения желаний, воплощения мечты, но в реальности это не получалось.

Неудача не обескуражила, наоборот, обострила стремление добиться своего, удвоила притягательную силу этого образа.

Весть о том, что Сергей Аполлинариевич Герасимов собирается экранизировать «Тихий Дон», застала меня в Вильнюсе, где я работала актрисой Русского драматического театра. Мечта о большой роли слилась с мечтой о работе с большим режиссером, и я набралась смелости, поехала в Москву проситься на участие в пробах. Они про-

должались полгода, но настойчивость моя была безграничной, я упорно добивалась своего, хотя приходилось очень часто ездить из Вильнюса в Москву.

В списке кандидаток на роль Аксиньи я была трид-

цать с трудом, не сразу, поскольку это было настолько большим событием, что не умещалось в сознании. Потом мне передали подробности, которые состояли всего лишь в том, что Михаил Александрович сказал одно только слово: «Похожа». Это слово во многом определило всю мою дальнейшую актерскую судьбу.

Прошло некоторое время, и съемки фильма стали реальностью. Как-то ехали мы в поезде на хутор Диченский — он неподалеку от города Каменск-Шахтинского Ростовской области. Вместе с нами ехал из Москвы домой Шолохов. Вдруг нам объявили, что Михаил Александрович приглашает нас к себе, хочет познакомиться.

носимо долгая пауза. Наконец в его усах заиграла улыбка, он пришел в себя, и тихо, будто открывая мне тайну, сказал:

— Глупенькая, ведь я все это придумал. И Аксинью тоже.

Теперь настал мой черед испытать потрясение. Я была чудовищно разочарована. Мне бы тогда порадоваться за писателя, за его необыкновенное воображение, сумевшее создать образ живее всякого живого. Но я была несказанно огорчена, что не смогу увидеть настоящую Аксинью, ведь в своих мечтах я так рассчитывала на эту встречу! У меня на глазах были слезы, а Михаил Александрович смеялся...

очевидно, что он недавно плакал. Его хрипловатый голос нарушил тишину, сказал он буквально следующее:

— Ваш фильм идет в дышловой упряжке с моим романом.

И больше ничего. Потом ему показали материалы третьей серии, еще не смонтированной.

После окончания съемок первыми зрителями фильма были жители окрестных хуторов и станиц. Чуть позже вся съемочная группа выехала в Майкоп. Сергей Аполлинариевич как бы отчитывался перед своими избирателями. Был на одной из встреч со зрителями и Михаил Александрович, однако я туда поехать не смогла из-за болезни и очень об этом жалею. Спустя некоторое время Шолохов прислал мне в подарок пуховую шаль, которая хранится в нашей семье как дорогая реликвия. Такие шали писатель подарил всем женщинам — участницам съемок.

Были еще встречи, но они носили официальный характер.

Последний раз я видела Шолохова в Ленинграде где-то в начале семидесятых. Узнав, что он приехал на симпозиум писателей и остановился в «Астории», я позвонила ему и попросила о встрече. Он предложил приехать на следующий день к полудню. С замиранием сердца я постучала в дверь номера, где он жил. Из-за двери доносились гулкие голоса, кто-то ответил: «Да, войдите». Посреди комнаты стоял стол, кругом сидели и стояли какие-то люди. Михаил Александрович тепло поздоровался, но мне стало ясно, что разговора не получится, и все же я не смогла сдержаться, заговорила о том, что Аксинья — самый удивительный женский образ, что мне хотелось бы сыграть еще что-нибудь подобное, стала просить его написать для меня яркую женскую роль. Он ответил, что работает над книгой и хотел бы, чтоб потом, когда закончит, все участники съемок «Тихого Дона» вновь собрались для ее экранизации.

Михаил Александрович выглядел больным, мне не хотелось утомлять его лишними разговорами. Сославшись на дела, я попрощалась и вышла. Долго не могла успокоиться, бродила по городу.

Больше мы не виделись, но я считаю, что мне в жизни очень повезло, и я безгранично благодарна судьбе за эти короткие встречи с Шолоховым.

Э. БЫСТРИЦКАЯ,
народная артистка СССР.

С НАПУТСТВОМ ШОЛОХОВА

цать первой и далеко не последней. Ходили слухи, что отбирать актеров на роли будет сам Михаил Александрович, и они оправдались. В день, когда Шолохов приехал на Мосфильм, там собралось много народу. Все участники проб хотели встретиться с писателем. Приехала и я, имея жгучее желание увидеть «живьем» самого Шолохова. Но при этом мне было очень важно, чтобы он не увидел меня. На то была веская причина — я боялась «испортить впечатление», поскольку в жизни выгляжу не так внешне, как получилось на экране, боялась разочаровать Михаила Александровича и тем самым подписать себе приговор.

Результаты просмотра проб должны были объявить вечером, все соискатели ролей толпились на студии, сильно волновались, довольно возбужденно разговаривали, и, конечно же, в центре внимания так или иначе был Михаил Александрович. Много я тогда услышала о нем. Говорили о его необычайной простоте и доступности, об отсутствии в нем внешних признаков величия и о действительном величии его души. Говорили о молчаливости и внимательности, подчеркивали абсолютную непреклонность его суждений и решений, которые он никогда не меняет в угоду кому бы то ни было.

Разговоры нагнетали напряженность, усиливали страх, поэтому, когда мне вечером объявили, что я выбрана самим Шолоховым, пове-

Мы разволновались, стали прихорашиваться, но нам не дали это сделать, дескать, нельзя заставлять ждать. Мы пришли очень смущенные. Михаил Александрович просто поздоровался и посмотрел на нас долгим, пристальным взглядом. Я впервые увидела его спрятанную в усы улыбку, навсегда запомнила добрый прищур глаз, но больше всего меня поразили их цвет — ярко-синий. Необыкновенная эта синева — глубокая, ясная, завораживающая — поразила меня настолько, что я почти не помню, о чем был разговор. Поезд приближался к какому-то полустанку, и Михаил Александрович предложил выйти на перрон, подышать степным воздухом.

Стояло теплое лето. В небе ни облачка. Солнце было ласковое, доброе. Легкий ветерок, настоящий на степных травах, пьянил, кружил голову. А у меня голова кружилась еще и от того, что выпала возможность поговорить с Михаилом Александровичем, задать ему вопрос, который я для него давно заготовила. Выбрав момент, я подошла:

— Михаил Александрович, многие казаки рассказывают, что Аксинья еще жива: живет где-то неподалеку от Диченского. Очень вас прошу, помогите мне встретиться с нею...

Сначала у него было лицо человека, который не понимает, о чем его просят. Это выражение и остановило мою скороговорку. Повисла невы-

На съемки он ни разу не приезжал. Как мы ни просили его, он уговорам не поддавался. Он хорошо понимал, что вольно или невольно может повлиять на ход работы, и не хотел этого. И следующая наша встреча с ним была в просмотровом зале Киностудии имени Горького. Шолохову показывали первые две серии фильма, которые были уже смонтированы. Хорошо помню этот просмотр. Он пришел в зал, никто, кроме Герасимова, с ним в разговор не вступал, мы будто по молчаливому уговору старались оградить его от возможных вопросов, не отвлекать.

Михаил Александрович сел недалеко от экрана. Перед ним поставили большую напольную пепельницу, он все время не выпускал из рук папиросу. Погас свет, засветился экран. Сначала мы наблюдали, как смотрит Шолохов, но потом сами увлеклись картиной. Две серии прошли незаметно. Вспыхнул свет. Над Шолоховым висело сизое облачко дыма. Он сидел не шевелясь, замерли и мы. В зале висела чуткая тишина, все напряженно ждали его реакции. А он был погружен не то в раздумье, не то в воспоминания. Но не было в этой паузе, в его задумчивости ни капли наигранности, нарочитости. Он был абсолютно естествен, как всегда. Наконец Шолохов откашлялся, медленно повернулся к нам, и мы увидели лицо настрадавшегося человека. У него были влажные глаза, чуть припухший нос. Совершенно